Проф.-протоіерей Е. АКВИЛОНОВЪ.

Христіанство и соціалъ-демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ.

(Произнесено — сокращенно — въ собраніи „Союза Русскаго Народа", 21 Ноября 1905 г.).

Значеніе праздника Введенія Пр. Богородицы въ храмъ для хр. семьи.—Знаменитыя матери-христіанки. — Русскіе писатели о религіозномъ воспитаніи дѣтей. — Хр. семья — первая ступень для насажденія царства Божія на землѣ. — Соціалъ-демократическія мечтанія о всеобщемъ счастьѣ.—Ученіе Откровенія о томъ же предметѣ.—Мнимая свобода и безпримѣрное рабство въ соціалъ-демократическомъ строѣ жизни.—Внѣшнія блага и человѣческое счастье.—Хр. благотворительность.—Необходимость нравственной борьбы съ современными недугами.—Четыре задачи.—Нѣчто о праздничномъ отдыхѣ, о нервахъ и объ отношеніи между церковной и свѣтской благотворительностью.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1906.

6

DK
264
H31

Проф.-протоіерей Е. АКВИЛОНОВЪ.

Христіанство и соціалъ-демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ.

(Произнесено — сокращенно — въ собраніи „Союза Русскаго Народа“, 21 Ноября 1905 г.).

Значеніе праздника Введенія Пр. Богородицы въ храмъ для хр. семьи.—Знаменитыя матери-христіанки. — Русскіе писатели о религіозномъ воспитаніи дѣтей. — Хр. семья — первая ступень для насажденія царства Божія на землѣ. — Соціалъ-демократическія мечтанія о всеобщемъ счастьѣ.—Ученіе Откровенія о томъ же предметѣ.—Мнимая свобода и безпримѣрное рабство въ соціалъ-демократическомъ строѣ жизни.—Внѣшнія блага и человѣческое счастье.—Хр. благотворительность.—Необходимость нравственной борьбы съ современными недугами.—Четыре задачи.—Нѣчто о праздничномъ отдыхѣ, о нервахъ и объ отношеніи между церковной и свѣтской благотворительностью.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1906.

6K

„Прометей"

DK
264
H31

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

182
37

Христіанство и соціалъ-демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ.

(Произнесено — сокращенно — въ собраніи „Союза Русскаго Народа". 21 ноября, 1905. Михайловскій манежъ).

ПРИГЛАШЕННЫЙ вашими представителями, православные русскіе люди, въ это многотысячное [1]) собраніе для пастырской бесѣды, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ откликнуться на это приглашеніе и подѣлиться съ вами своими думами и чувствами по поводу переживаемыхъ событій. Что же скажу вамъ, или, точнѣе, что скажетъ вамъ отъ имени православной вѣры священникъ, чѣмъ утѣшитъ, чѣмъ ободритъ васъ и укажетъ ли хоть какой-нибудь выходъ изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ находится теперь наше Отечество?

Какъ и въ прошлый (на собраніи въ «Соляномъ Городкѣ»), такъ и въ настоящій разъ исходнымъ началомъ своей рѣчи я возьму исповѣдуемую нами православную вѣру, частнѣе, нынѣшній праздникъ Введенія Пресвятой Богородицы въ храмъ. Вникнемъ въ содержаніе этого событія. Престарѣлые родители, въ исполненіе святого обѣщанія, привели свою трехлѣтнюю дочь въ іерусалимскій храмъ и, такимъ образомъ, посвятили ее Богу. Здѣсь встрѣтилъ ее первосвященникъ Захарія, ввелъ во святая святыхъ, и съ той поры, въ теченіе—приблизительно—десяти лѣтъ, юная дѣва молилась въ храмѣ и училась Закону Божію и трудовой жизни. Такова внѣшняя сто-

---

[1]) Присутствовало около 10,000 человѣкъ.

рона праздника. Но однимъ этимъ не исчерпывается для насъ его значеніе. Мы должны разсмотрѣть еще *внутренній* его смыслъ и поискать въ немъ *урока для себя* самихъ, для своихъ семействъ и для нашего общества, слагающагося изъ нихъ.

Не думайте, что моя рѣчь нисколько не отвѣчаетъ жгучимъ требованіямъ текущаго времени. Наоборотъ, волнующіе насъ вопросы болѣе, чѣмъ сколько предполагаютъ иные, находятъ свое подлинное рѣшеніе *только въ религіозной* области. Свѣтъ вѣры данъ намъ не для того только, чтобъ озарять наши пытливые умы, но вмѣстѣ и для оживотворенія нашей полумертвой жизни. А послѣдняя зависитъ не отъ однихъ матеріальныхъ средствъ, денежныхъ сокровищъ и земельныхъ участковъ, но, главнымъ образомъ, отъ правильнаго устроенія нашего «внутренняго человѣка», отъ гармонической организаціи нашихъ душевныхъ силъ и отъ направленія ихъ къ высшей цѣли нашего существованія.

Напишите какіе угодно законы,—пусть принесетъ ихъ хотя бы самъ ангелъ съ небесъ,—дайте странѣ самыя лучшія гражданскія учрежденія, возвѣстите всякія свободы, но, если не окажется хорошихъ «людей» для соблюденія такихъ законовъ, для труда въ этихъ учрежденіяхъ и для правильнаго осуществленія дарованныхъ свободъ, то изъ всего этого не только не произойдетъ никакой пользы, а, наоборотъ, получится одно сплошное бѣдствіе. Какъ изъ дурныхъ кирпичей нельзя построить сильной крѣпости, такъ и худые граждане не могутъ составить изъ себя могущественной державы. Всѣ мы печалуемся на поразительное оскудѣніе добрыми людьми, всѣ негодуемъ на расплодившихся у насъ законопреступниковъ, на безчестныхъ общественныхъ дѣятелей, на ужасающую анархію въ современныхъ умахъ и сердцахъ, на чуть не повсемѣстное исчезновеніе совѣсти и сознанія долга; намъ стыдно за позорно брошенную войну съ внѣшними врагами, еще болѣе—за начавшуюся среди насъ гражданскую войну. Какъ застигнутые страшнымъ пожарищемъ, мы въ ужасѣ мечемся изъ стороны въ сторону, трепеща за свою личную и за общегосударственную жизнь. Въ безъисходномъ отчаяніи одни обрушились съ страшными проклятіями на ненавистную имъ «бюрократію», другіе прониклись чисто-бѣшеной ненавистью къ высшему правительству, третьи вооружились кинжалами и бомбами для насильственнаго удаленія съ житейскаго поприща неугодныхъ имъ людей и въ общемъ террорѣ ищутъ спасенія

отъ всѣхъ бѣдъ, четвертые обращаютъ всю Россію въ одинъ сплошной костеръ, пожирающій дома, хлѣбъ и всякое, вообще, имущество землевладѣльцевъ, пятые взялись безконечно бастовать и т. д. Обыкновенно благодушные, русскіе люди (не говоримъ о другихъ) обратились въ какихъ-то лютыхъ звѣрей, дико терзающихъ другъ друга. Печальный конецъ переживаемаго разстройства неизбѣженъ: «если вы другъ друга угрызаете и съѣдаете»,—сказалъ апостолъ (Гал. V, 15),—«то берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ».

Такъ жить нельзя. Для жизни нужны люди, а не звѣри. И вотъ, нынѣшній праздникъ отвѣчаетъ на вопросъ о томъ: *откуда* же берутся люди? Гдѣ и какъ они воспитываются? Отвѣчаетъ указаніемъ на пречистое Дитя, посвященное своими родителями Богу. Приводится въ храмъ малолѣтняя Дѣва—будущая Мать нашего Спасителя. Какъ Господь Іисусъ есть par excellence первый христіанинъ, такъ и Пресвятая Дѣва—*первая* христіанская мать,—первая не по времени только, но и по своему высочайшему совершенству. Это—воплощенный *идеалъ* матери-христіанки.

Слава Богу за то, что плотскимъ явленіемъ Его Единороднаго Сына повѣданъ міру такой идеалъ. И какъ, вообще, человѣческая жизнь въ своемъ истинномъ пониманіи рѣшительно невозможна безъ идеаловъ, такъ, въ особенности, и благоустроеніе христіанской семьи обусловливается непремѣнной наличностью такого идеала христіанской матери. Думаю, что не ошибусь, предполагая, насколько упомянутый идеалъ занимаетъ теперь, особенно, присутствующихъ въ настоящемъ собраніи матерей. Христосъ Спаситель, когда Его слухъ оглашался безутѣшнымъ воплемъ іудейскихъ женщинъ, сказалъ имъ: «дщери Іерусалимскія! Не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ» (Лк. XXIII, 28). Никому на свѣтѣ такъ не жаль своихъ дѣтей, какъ бѣднымъ матерямъ, потому что онѣ (а не отцы) живутъ одной жизнью съ ними съ самаго, можно сказать, утробнаго ихъ зачатія. Вотъ почему и теперь никто не проливаетъ больше слезъ надъ своими дѣтьми, какъ ихъ огорченныя матери. Да и есть надъ чѣмъ печалиться имъ. Почти всѣ наши учебныя заведенія «бастуютъ», и лучшія надежды матерей увядаютъ въ самомъ расцвѣтѣ... Какой матери не тяжело оплакивать несчастную судьбу дѣтей, и какая изъ нихъ не желала бы имъ счастья?

Если хотите видѣть своихъ дѣтей счастливыми,—такъ отвѣ-

чаетъ нынѣшній праздникъ матерямъ,—то, прежде всего, *сами приготовьтесь* по-божьи къ своему материнскому призванію. Вотъ, предъ вами совершеннѣйшій образецъ первой христіанской Матери. Не любуйтесь имъ только, но старайтесь и *подражать* ему! Это необходимо для вашихъ же дѣтей, не говоря уже о васъ самихъ, счастье которыхъ—въ послѣднихъ, какъ и, наоборотъ, «сынъ глупый—огорченіе для матери его» (Прит. X, 1).—Когда, восхищенная богочеловѣческимъ величіемъ Христа-Спасителя, «одна женщина изъ народа», быть можетъ, одна изъ терпѣвшихъ вашу участь матерей громкимъ голосомъ воскликнула: «блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, питавшіе Тебя»,—Господь отвѣтилъ: «блаженны слышащіе Слово Божіе и соблюдающіе его» (Лк. XI, 27, 28). Принявъ полностью обращенный къ Нему привѣтъ, Спаситель, лучше всякаго знавшій и цѣнившій материнскую любовь, счелъ нужнымъ въ короткихъ словахъ раскрыть этой «женѣ отъ народа» простой секретъ счастливаго материнства. «Не думай, ублажающая Меня женщина»,—какъ бы такъ говорилъ Онъ,—«что счастье въ дѣтяхъ дается матерямъ безъ соотвѣтствующаго, со стороны послѣднихъ, воспитанія для своего материнства. Наоборотъ, если гдѣ, такъ, именно, въ этомъ дѣлѣ требуется религіозное воспитаніе. И, дѣйствительно, Моя Мать приготовлялась къ Своему материнству въ храмѣ Божіемъ, въ которомъ Она не только слышала Слово Божіе, но такъ же и исполняла его. А, затѣмъ, и Меня учила тому же. Сынъ Божій по Своему Отцу, Я, по Матери,—Сынъ Человѣческій, подъ Ея непосредственнымъ руководствомъ «преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и людей» (Лк. II, 52). Разумѣется, не малое участіе принимаетъ и отецъ въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей, особенно, въ позднѣйшемъ періодѣ ихъ развитія; но безспорно, *первый посѣвъ* вѣры и нравственности принадлежитъ матери. А кому не извѣстно, что характеромъ первоначальныхъ младенческихъ впечатлѣній на душу ребенка опредѣляется весь будущій человѣкъ! «Нисходилъ ли ты въ глубину моря?»,—читается въ книгѣ прав. Іова,—«обозрѣлъ ли широту земли? Объясни, если знаешь, все это. Гдѣ путь къ жилищу свѣта, и гдѣ мѣсто тьмы? Кто проводитъ протоки для изліянія воды и путь для громоносной молніи, чтобы возбуждать травные зародыши къ возрастанію?» (XXXVIII, 16, 28). Такъ и въ настоящемъ случаѣ можно спросить иного: знаешь ли ты сокровенные пути, по которымъ религія благочестивой

матери изливается въ сердца ея малютокъ? Вѣдомо ли тебѣ, какъ она учитъ ихъ вѣрѣ въ Бога, благодарности къ Нему и безропотной преданности Его святой волѣ? Однѣ ли молитвы и благочестивые разсказы изъ священной исторіи произвели на свѣтъ эту дѣтскую вѣру? Да, но только подъ непремѣннымъ условіемъ, что *эта*, именно, мать сообщаетъ божественное наставленіе *этимъ*, именно, дѣтямъ, ибо влагаетъ въ дѣло воспитанія все свое сердце и всей своей жизнью оправдываетъ истинность преподаваемаго. Здѣсь ужъ никакъ не одни слова. Вѣрность, съ какой любящая мать оберегаетъ младенческую колыбель, безсонныя ночи, проводимыя матерью у одра больныхъ дѣтей, ея безмѣрная радость при ихъ преуспѣяніи,— вся эта внутренняя, вполнѣ искренняя и чистая, жизнь матери, посредствомъ тысячи незримыхъ каналовъ, устремляется въ дѣтскія сердца и пробуждаетъ въ нихъ соотвѣтствующее настроеніе. Гдѣ дала ростокъ истинная жизнь, тамъ она не остается въ бездѣйствіи. Безчисленное множество мужей, дотолѣ невѣровавшихъ Евангелію, «житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были» (1 Петр. III, 1). Не даромъ и апостолъ языковъ, въ посланіи къ своему любимому ученику, ефесскому епископу Тимоѳею, пишетъ: «желаю видѣть тебя, чтобы порадоваться, приводя на память нелицемѣрную вѣру твою, которая прежде *обитала въ бабкѣ* твоей Лоидѣ и *матери* твоей Евникѣ; увѣренъ, что *она и въ тебѣ*» (2 Тим. I, 5—6).

Всегда почтенное само по себѣ, материнство самый дорогой брилліантъ получило въ свою корону только отъ христіанства. Вотъ почему, даже враждебные послѣднему язычники такъ искренно восторгались прекрасными христіанскими матерями. «Когда я былъ еще молодъ»,—говоритъ о себѣ Златоустъ,— «помню, какъ мой учитель (знаменитый ораторъ Ливаній) при многихъ удивлялся моей матери. Желая узнать отъ окружающихъ его, кто я таковъ, и услышавъ отъ кого-то, что я сынъ вдовы, онъ спросилъ меня о возрастѣ моей матери и о времени ея вдовства. И когда я сказалъ, что ей сорокъ лѣтъ отъ роду, и что двадцать лѣтъ уже прошло, какъ она лишилась моего отца,—онъ изумился и, обратясь къ присутствовавшимъ, громко воскликнулъ: „ахъ, какія у христіанъ женщины!“ (Творенія св. І. Златоуста. Изд. Спб. Дух. Акад. Спб. 1895. Т. I, стр. 371). Извѣстно, что св. Василій Великій своимъ религіознымъ воспитаніемъ обязанъ особенно своей ма-

тери Еммеліи и бабкѣ Макринѣ, бл. Августинъ—своей матери Моникѣ, св. Григорій Богословъ—матери Ноннѣ, св. Григорій Нисскій, братъ Василія Великаго, священномученикъ Климентъ, епископъ Анкирскій и многіе другіе тѣмъ же обязаны своимъ матерямъ... Такихъ примѣровъ изъ церковной исторіи и житій святыхъ великое множество, и всѣ они согласно свидѣтельствуютъ, какъ о величайшей важности *религіознаго воспитанія дѣтей*, такъ и о поразительной *способности* послѣднихъ къ его усвоенію.

Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ Ѳ. М. Достоевскимъ, по словамъ котораго, «пяти—шестилѣтній ребенокъ знаетъ иногда о Богѣ или о добрѣ и злѣ такія удивительныя вещи и такой неожиданной глубины, что поневолѣ заключишь, что этому младенцу даны природою какія нибудь другія средства пріобрѣтенія знаній, не только намъ неизвѣстныя, но которыя мы, даже на основаніи педагогики, должны были бы почти отвергнуть. О, безъ сомнѣнія, онъ не знаетъ фактовъ о Богѣ, и если тонкій юристъ начнетъ пробовать шестилѣтняго насчетъ зла и добра, то только расхохочется. Но вы только будьте немного потерпѣливѣе и повнимательнѣе (ибо это стоитъ того), извините ему, напримѣръ, факты, допустите иные абсурды и добейтесь лишь *сущности пониманія*—и вы вдругъ увидите, что онъ знаетъ о Богѣ, можетъ быть, уже столько же, сколько и вы, а о добрѣ и злѣ и о томъ, что стыдно, и что похвально, можетъ быть даже и гораздо болѣе васъ, тончайшаго адвоката, но увлекающагося иногда, такъ сказать, торопливостью» (Дневникъ писателя за 1876 г. См. Полн. собр. соч. Спб. 1882. Т. XI, стр. 177—178). Находясь въ плѣну, Пьеръ Безуховъ «вдругъ узналъ не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ—вотъ Онъ, тутъ, вездѣ,—тотъ Богъ, безъ воли Котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка» (Война и миръ. См. Сочин. гр. Л. Н. Толстого. Изд. 9-е. Москва. 1893. Т. VIII, стр. 236—237). «Превосходная няня Марьюшка», вмѣстѣ съ «старой бабушкой», по словамъ нашего знаменитаго историка, С. М. Соловьева, еще въ раннемъ дѣтствѣ послѣдняго положили первые камни его историческаго міросозерцанія (В. С. Соловьевъ. Собр. сочин. Спб. 1886—1896. Т. VI, стр. 645—647). Кому не памятна простая няня Лизы Калитиной, Агаѳья, которая «своими безхитростными святыми разсказами и хожденьемъ съ Лизой къ

богослуженію развила въ ней религіозность, проникшую въ самую глубь ея существа, такъ что смѣнившая Агаѳью дѣвица Моро не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни» (И. С. Тургеневъ. Дворянское гнѣздо. См. сочин. М. 1880. Т. III, стр. 271). «Ясно»,—говоритъ, на основаніи своего личнаго наблюденія надъ четырехлѣтней малюткой, А. С. Хомяковъ,—«что дѣтямъ можно преподавать христіанство гораздо серьезнѣе, чѣмъ вообще полагаютъ» (Полн. собр. соч. Москва. 1900. Т. VIII, стр. 203).

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ (число которыхъ можно умножить до безконечности), свѣтскіе писатели свидѣтельствуютъ о томъ же, о чемъ и церковные,—о чрезвычайной важности религіознаго воспитанія дѣтей своими *матерями* и, вообще, женщинами. Но ясно, что для такого воспитанія сами воспитывающія напередъ должны имѣть то, что хотятъ передать дѣтямъ; другими словами, добрыя матери въ подлинномъ смыслѣ этого слова воспитываюся только въ христіанствѣ. И если справедливо изреченіе, по которому «слова учатъ, а примѣры увлекаютъ», то чего еще другого пожелать вамъ, современныя матери, какъ не посильнаго подражанія Той Первоматери, введенію Которой въ храмъ посвященъ нынѣшній праздникъ? Учитесь у Богоматери вѣрѣ въ Бога и въ Его благой Промыслъ, учитесь слову Божію, христіанскому смиренію, высокому цѣломудрію и трудовой жизни. Если сами будете имѣть эти добродѣтели, то въ свое время передадите ихъ и своимъ дѣтямъ и, повѣрьте, «обитающая въ васъ вѣра», сдѣлается драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ такъ же и послѣднихъ, за что они скажутъ вамъ великое спасибо въ свое время, при вступленіи на житейское поприще. И сами они будутъ честными дѣятелями на общественную пользу, и другіе, смотря на нихъ, не только не проклянутъ часа рожденія ихъ а, наоборотъ, «ублажатъ чрево, носившее» каждаго изъ нихъ, «и питавшіе ихъ сосцы» (Лк. XI, 27). Такъ созидается «царство Божіе» на грѣшной землѣ. Вѣчны и неизмѣнны законы его бытія, и людямъ предоставляется выборъ одного изъ двухъ: или, соблюдая свыше-данные законы, стараться устроять Божіе царство, или, нарушая ихъ, упорно противиться наступленію послѣдняго и сдѣлаться усердными поборниками «власти тьмы» (Лк. XXII, 53). Думается, что теперь, особенно, не можетъ быть колебаній, въ какую сторону долженъ склониться отвѣтъ.

Такъ учитъ насъ, православные русскіе люди, святая вѣра. Къ сожалѣнію, совсѣмъ другое проповѣдуютъ въ наши дни такъ называемые *соціалъ-демократы.* По ихъ мнѣнію, теперь настала пора трезваго отношенія къ насущнымъ потребностямъ жизни, и хоть сколько-нибудь образованные люди должны, наконецъ, понять, что здѣсь, на землѣ, и одними земными средствами, безъ всякой (отжившей свой вѣкъ) религіи, слѣдуетъ устроять такъ называемое царство Божіе или, проще, человѣческое счастье. Что-жъ касается «небеснаго» царства, то существованіе его болѣе, чѣмъ сомнительно, между тѣмъ какъ эта, земная, жизнь — непререкаемая дѣйствительность, своимъ разстройствомъ принудительно заставляющая насъ заняться ея преобразованіемъ. Какъ только общественная и государственная жизнь будетъ устроена по ихъ всеобъемлющему плану,—такъ, увѣряютъ соціалъ-демократы,—больше не будетъ пагубной противоположности между богатыми и бѣдными, между наслаждающимися всѣми житейскими благами и несправедливо обойденными ими, но всѣ станутъ равно состоятельными и благоденствующими. Наступитъ всенародное братство, и прекратятся истребительныя войны. Осчастливленные соціалъ-демократической реформой, народы приложатъ таящіяся въ нихъ силы къ достиженію мирныхъ цѣлей. Поднимется на небывалую высоту человѣческая культура, одно за другимъ послѣдуютъ полезныя изобрѣтенія, мало-по-малу сократится смертность а, можетъ быть, исчезнутъ и самыя болѣзни. Надѣленные всѣми земными благами, люди сдѣлаются долговѣчными и спокойно, подобно осеннимъ цвѣтамъ, будутъ отдаваться своевременной смерти.

Такова, изображаемая соціалъ-демократами, заманчивая картина будущаго, въ случаѣ переустроенія жизни на предлагаемыхъ ими основахъ. Можно подумать, что современные реформаторы учились въ пророческой школѣ: такъ сильно ихъ обѣщанія напоминаютъ рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе не одной тысячей лѣтъ опередили современныхъ предсказателей своими пророчествами насчетъ лучшаго будущаго. «И перекуютъ они (будущіе люди) мечи свои на орала и копья на серпы. Не подниметъ одинъ народъ на другой меча, и не будутъ болѣе учиться воевать, но каждый будетъ сидѣть подъ своей виноградною лозой и подъ своей смоковницей, и никто не будетъ устрашать ихъ»,—читаемъ у одного пророка (Мих. 4, 3. 4). Другой предсказалъ о томъ,

какъ «волкъ и ягненокъ будутъ пастись вмѣстѣ, и левъ, подобно волу, будетъ ѣсть солому, а для змѣя прахъ будетъ пищей» (Иса. 65, 25). Этихъ цитатъ довольно для присужденія пальмы первенства, во всякомъ случаѣ, библейскимъ пророкамъ. Не въ этомъ, однако, главное дѣло. При внѣшнемъ сходствѣ изображеній будущаго, глубокая пропасть утверждается между библейскимъ и соціалъ-демократическимъ ученіями о *средствахъ* къ его осуществленію. Эта сторона дѣла заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія съ нашей стороны, чѣмъ менѣе нѣкоторые освѣдомлены въ богооткровенномъ ученіи и чѣмъ сильнѣе плѣняются они настойчиво распространяемыми теперь среди всѣхъ соціалъ-демократическими утопіями.

Итакъ, чѣмъ же различаются между собою христіанское и соціалъ-демократическое ученія о средствахъ къ осуществленію человѣческаго счастья? Богъ говоритъ: если на землѣ должно, хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, осуществляться царство небесное, то починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ небу, а не землѣ.— Нѣтъ, заявляютъ соціалъ-демократы, мы не хотимъ ждать того срока, въ который угодно будетъ небу смилостивиться надъ землей: насильственно мы низведемъ небо на землю. — Богъ говоритъ: только по Своему милосердію Я милую землю: это — Мой свободный и незаслуженный людьми даръ,—«благодать».— Наоборотъ, возражаютъ противники, намъ не нужна Твоя благодать. Титаническими усиліями естественнаго ума и воли сами люди, безъ Тебя, устроютъ свое земное благополучіе.— Богъ говоритъ: въ терпѣніи ожидайте того блаженнаго часа, въ который небо снизойдетъ на землю.—Мы не хотимъ терпѣть, отвѣчаютъ спасатели; нашъ часъ уже пробилъ, и теперь же, немедленно, мы осуществимъ свою завѣтную мечту. — Богъ говоритъ: полное счастье находится только въ загробномъ мірѣ и достигается тяжкимъ подвигомъ на тернистомъ пути жизни.— Преобразователи ея, наоборотъ, не хотятъ ничего слушать изъ такого увѣщанія, воображая себѣ, что путь къ человѣческому счастью стелется ровной скатертью. — Богъ говоритъ: прежде всего устройте по-небесному, согласно съ евангельскимъ ученіемъ, свои сердца, своего «внутренняго человѣка»,— и тогда непремѣнно, въ свое время, переустроится и вашъ внѣшній бытъ. — Нѣтъ, не такъ,—упорствуютъ люди,—пусть напередъ преобразуется наша внѣшняя жизнь, съ ея государственными и гражданскими порядками, а «внутренній человѣкъ»,

нравственное возрожденіе, уже потомъ. Прежде всего, мы требуемъ внѣшнихъ благъ и, только при наличности ихъ, можетъ осуществиться и послѣднее...

Не правда ли, между христіанскимъ и соціалъ-демократическимъ ученіями о средствахъ къ достиженію человѣческаго счастья «пропасть велика утвердися»? Не переносится ли ваша мысль на девятнадцать вѣковъ назадъ, въ іудейскую пустыню, къ нашему Спасителю, подвергнувшемуся дьявольскому искушенію? Отдѣляемые отъ Него длиннымъ рядомъ вѣковъ, мы нераздѣльны съ Нимъ, какъ члены тѣла со своей главой. Поэтому, вспоминая то искушеніе, мы не случайно связываемъ съ нимъ наше собственное: и мы, по примѣру Его, должны претерпѣть ниспосланное намъ искушеніе, ибо, «какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь» (Евр. II, 18). А Его искушеніе болѣе, чѣмъ сколько представляется на первый взглядъ, сходно съ нашимъ, или, вѣрнѣе, наше — съ Его искушеніемъ, съ тѣмъ, особенно, въ которомъ дьяволъ, показавъ Іисусу съ высокой горы всѣ царства міра съ ихъ славой, соблазнялъ Его словами: «все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ». Сущность и сила этого искушенія состояли въ томъ, что Христу предлагалась, вмѣсто чрезвычайнаго дѣла искупленія человѣчества посредствомъ всецѣлаго самоотреченія и крестныхъ страданій, внѣшняя, царская власть надъ міромъ. Непримиримый врагъ святой истины и правды, сатана склонялъ Саму воплощенную Истину къ двойственному съ собой союзу, упиваясь несбыточной мечтой—основать христократическую монархію въ діаметрально-противномъ Евангелію духѣ. Само собою разумѣется, что первенство въ ней должно было бы принадлежать самому сатанѣ, а Христу—числиться только своего рода вице-королемъ. Ни «кротости», ни «сердечному смиренію» (Мѳ. XI, 29) здѣсь не было мѣста: всемірное царство должно было основать вооруженной рукой и въ жертву ему принести милліоны жизней и бездну самыхъ ужасныхъ страданій. Адскій замыселъ сатаны, какъ извѣстно, былъ рѣшительно отвергнутъ Спасителемъ: «отойди отъ Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему покланяйся и Ему одному служи» (Мѳ. IV, 10). Посрамивъ искусителя, Господь выступилъ на крестный путь Своего служенія роду человѣческому, призывая всѣхъ слѣдовать за Собой. Пойдемъ же и мы за Нимъ, нашимъ Спасителемъ, не соблазняясь льстивыми рѣчами современныхъ спа-

Наполеона, сына и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жестокаго палача французской революціи, — диктатора, быстро покончившаго съ ея отчаянными вожаками. Какъ видите, и въ народной исторіи по-своему повторяется басня о лягушкахъ, просившихъ себѣ царя....

Представимъ себѣ, впрочемъ, что нашимъ соціалъ-демократамъ удалось бы достигнуть одной изъ своихъ цѣлей, напр., насильственнаго передѣла земли. Думаете ли вы, что это было бы счастьемъ для русскаго народа и принесло бы миръ въ его среду? Если и да, то развѣ на самое короткое время, за которымъ опять послѣдовали бы еще неслыханныя бѣдствія. Знаю, что мои слова, на первое впечатлѣніе, многимъ представятся смѣлымъ парадоксомъ, но вы сейчасъ же согласитесь со мной въ томъ, что требуется напередъ утратить всякое пониманіе человѣческой природы, чтобы условіемъ народнаго счастья и братскаго мира ставить одно внѣшнее благополучіе. Кто будетъ настолько дѣтски-наивенъ, чтобы исправленіе порочныхъ сердецъ полагать въ зависимость отъ матеріальнаго благосостоянія? Вѣдь не одинъ споръ о «моемъ» и «твоемъ» лежитъ въ основѣ такого или другого взаимоотношенія людей. Отмѣните сегодня частную собственность,—завтра же зашипятъ въ насъ не менѣе опасныя змѣи въ видѣ самолюбія, честолюбія, зависти и подобныхъ имъ пороковъ. Положимъ, вы обезпечены матеріально и, въ этомъ отношеніи, спокойны; но за то вамъ завидно, что другіе талантливѣе и умнѣе васъ; вы досадуете на третьихъ за то, что они умѣютъ обращаться съ людьми, а, при случаѣ, даже и повелѣвать ими; четвертыхъ вы не выносите за ихъ душевную или тѣлесную красоту; пятыхъ не любите за то, что ихъ любятъ другіе; на шестыхъ—не можете равнодушно смотрѣть за ихъ семейное счастье, которымъ, по вашему суду, несправедливо, — обойдены вы; седьмые виноваты предъ вами.... «да просто потому, что хочется вамъ кушать» и т. д. и т. д. Труднѣе перечислить, чѣмъ окончить всѣ поводы къ нарушенію добрыхъ отношеній между людьми. Вотъ почему мы должны возвратиться къ тому, съ чего и начали свою рѣчь: *пока не преобразуется нашъ «внутренній человѣкъ», до тѣхъ поръ всѣ внѣшнія преобразованія почти безполезны.* Не даромъ древній мудрецъ совѣтуетъ «больше всего хранимаго сохранять свое сердце, потому что изъ *него* источники жизни» (Притч. IV, 23).

Точкой отправленія соціалъ демократическаго ученія служитъ отрицаніе частной собственности: la propriété, по словамъ

гой,—о всеобщемъ благоденствіи ихъ подданныхъ. Такъ, напримѣръ, современники прославляли римскаго кесаря за то, что онъ принесъ на землю «золотой вѣкъ», т. е., водворилъ рай на землѣ. Такимъ же благодѣтелемъ рода человѣческаго считалъ себя и Наполеонъ съ др. завоевателями: настолько очаровательна военная слава, и такъ усердно раболѣпствуютъ люди предъ вооруженной силой!

Современная намъ соціалъ-демократія, съ новымъ именемъ, въ сущности, продолжаетъ старое дѣло. Вдохновляемая мыслью о всемірномъ братствѣ, политическомъ равенствѣ и экономическомъ благополучіи народовъ, она не хочетъ только находиться ни подъ какимъ скипетромъ и призываетъ «пролетаріевъ всѣхъ странъ» къ взаимному соединенію. Всякій авторитетъ, будь то божескій или человѣческій, ей ненавистенъ. Что касается перваго, то, дѣйствительно, соціалъ-демократія и словомъ, и дѣломъ доказала, что не для нея существуютъ вѣра и церковь. Иначе обстоитъ дѣло со вторымъ: отрицая человѣческій авторитетъ словомъ, на дѣлѣ она—его покорная рабыня. Еще нѣтъ и не было на свѣтѣ такого деспотическаго тирана, который требовалъ бы себѣ настолько слѣпого, унизительнаго и безсмысленнаго послушанія, какое принуждены оказывать «товарищи»—пролетаріи своимъ властолюбивымъ вождямъ. На соціалъ-демократическомъ знамени начертана «свобода», а подъ нимъ дрожитъ замирающая отъ страха неволя.

Кто тамъ „свободу“ прославляетъ?
Чей это красный вьется флагъ?
Народъ кто къ бунту призываетъ?
То другъ его, иль лютый врагъ?

Пронесшійся надъ всей Россіей ураганъ неслыханныхъ преступленій и бѣдствій, думается, не оставляетъ мѣста для двухъ отвѣтовъ на вопросъ. Тянущіеся въ хвостѣ европейскихъ народовъ по части просвѣщенія, въ устроеніи самыхъ дикихъ звѣрствъ и погромовъ мы теперь куда какъ опередили своихъ просвѣтителей. Если бы какимъ-либо чудомъ явились къ намъ съ того свѣта С.-Симонъ, Фурье, Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ съ своими «товарищами», то, надо полагать, какъ изумились бы они широкому размаху русской натуры, вотъ уже сколько времени подвизающейся на поприщѣ самоопливанія, самобичеванія, взаимнаго истребленія и безпощаднаго разоренія. Но позади этихъ дѣятелей скрывается еще одна грозная тѣнь—великаго

Наполеона, сына и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жестокаго палача французской революціи, — диктатора, быстро покончившаго съ ея отчаянными вожаками. Какъ видите, и въ народной исторіи по-своему повторяется басня о лягушкахъ, просившихъ себѣ царя....

Представимъ себѣ, впрочемъ, что нашимъ соціалъ-демократамъ удалось бы достигнуть одной изъ своихъ цѣлей, напр., насильственнаго передѣла земли. Думаете ли вы, что это было бы счастьемъ для русскаго народа и принесло бы миръ въ его среду? Если и да, то развѣ на самое короткое время, за которымъ опять послѣдовали бы еще неслыханныя бѣдствія. Знаю, что мои слова, на первое впечатлѣніе, многимъ представятся смѣлымъ парадоксомъ, но вы сейчасъ же согласитесь со мной въ томъ, что требуется напередъ утратить всякое пониманіе человѣческой природы, чтобы условіемъ народнаго счастья и братскаго мира ставить одно внѣшнее благополучіе. Кто будетъ настолько дѣтски-наивенъ, чтобы исправленіе порочныхъ сердецъ полагать въ зависимость отъ матеріальнаго благосостоянія? Вѣдь не одинъ споръ о «моемъ» и «твоемъ» лежитъ въ основѣ такого или другого взаимоотношенія людей. Отмѣните сегодня частную собственность,—завтра же зашипятъ въ насъ не менѣе опасныя змѣи въ видѣ самолюбія, честолюбія, зависти и подобныхъ имъ пороковъ. Положимъ, вы обезпечены матеріально и, въ этомъ отношеніи, спокойны; но за то вамъ завидно, что другіе талантливѣе и умнѣе васъ; вы досадуете на третьихъ за то, что они умѣютъ обращаться съ людьми, а, при случаѣ, даже и повелѣвать ими; четвертыхъ вы не выносите за ихъ душевную или тѣлесную красоту; пятыхъ не любите за то, что ихъ любятъ другіе; на шестыхъ—не можете равнодушно смотрѣть за ихъ семейное счастье, которымъ, по вашему суду, несправедливо, — обойдены вы; седьмые виноваты предъ вами.... «да просто потому, что хочется вамъ кушать» и т. д. и т. д. Труднѣе перечислить, чѣмъ окончить всѣ поводы къ нарушенію добрыхъ отношеній между людьми. Вотъ почему мы должны возвратиться къ тому, съ чего и начали свою рѣчь: *пока не преобразуется нашъ «внутренній человѣкъ», до тѣхъ поръ всѣ внѣшнія преобразованія почти безполезны.* Не даромъ древній мудрецъ совѣтуетъ «больше всего хранимаго сохранять свое сердце, потому что изъ *него* источники жизни» (Притч. IV, 23).

Точкой отправленія соціалъ демократическаго ученія служитъ отрицаніе частной собственности: la propriété, по словамъ

Прудона, c'est le vol. Вѣроятно, эта превратная мысль никому не пришла бы въ голову, если бы въ современномъ обществѣ не господствовалъ извращенный взглядъ на собственность. Истинно, атеистическій взглядъ! Ея обладатель видитъ въ себѣ какого-то безконтрольнаго хозяина, имѣющаго полную власть распоряжаться ею, какъ ему будетъ угодно: «душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселись»! (Лк. XXII, 19). Извѣстно, какъ Самъ Богъ назвалъ сластолюбиваго богача: «безумне»,—читается въ Евангеліи,—«въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе» (ст. 20). Обращаясь къ Моисееву закону, видимъ, что въ немъ проведенъ взглядъ на обѣтованную землю, какъ на *Божію* собственность. Землевладѣльцы являются тамъ не болѣе, какъ временными арендаторами. «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля, а вы—пришельцы и поселенцы у Меня» (Лев. XXV, 23). «Если братъ твой обѣднѣетъ и придетъ въ упадокъ у тебя, то поддержи его» (ст. 35). «Да не будетъ между вами такого, который похвалился бы въ своемъ сердцѣ, говоря: „я буду счастливъ, не смотря на то, что буду ходить по произволу сердца своего“; и пропадетъ такимъ образомъ сытый съ голоднымъ» (Втор. XXIX, 19). Приставленный, въ качествѣ приказчика надъ ввѣреннымъ ему отъ Самого Бога имѣніемъ, богатый долженъ помогать бѣдному. Само собой понятно, что каждый христіанинъ обязанъ къ еще болѣе неуклонному исполненію изложеннаго закона, въ виду превосходства Новаго завѣта надъ Ветхимъ. Поэтому и св. ап. Павелъ пишетъ въ первомъ посланіи къ Тимоѳею: «богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ увѣщавай, чтобъ они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго намъ все обильно для наслажденія; чтобъ они благодѣтельствовали, богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны» (1 Тим. VI, 17—18). «Зналъ онъ (апостолъ)»,—толкуетъ это мѣсто Златоустъ,—«что гордость есть корень и основаніе богатства, и что умѣющій жить скромно на станетъ много заботиться о богатствѣ. Кромѣ того, зналъ, что богатство не запрещено, если кто употребляетъ его для своихъ нуждъ. Не вино — зло, а пьянство; такъ что зло—не богатство, а сребролюбіе и любостяжаніе. Съ такой заботливостью онъ хранитъ свое сокровище, какъ будто ему кто строго запретилъ, даже, и дотрогиваться до этого клада, и бережетъ свое, какъ чужое. И, въ самомъ дѣлѣ, это—чужое, потому что, какъ можетъ онъ счи-

тать своимъ то, чего никакъ не рѣшится раздѣлить съ другими и дать бѣднымъ? Богатъ не тотъ, кто пріобрѣлъ много, а тотъ, кто роздалъ много» (І. Златоустъ. Творен. въ русск. перев. Спб. 1896. Т. II, стр. 33—34). «Считай же милостыню»,—пишетъ тотъ же св. отецъ въ другомъ мѣстѣ,—«не за расходъ, а за приходъ». Замѣчательно, что Златоустъ приглашаетъ къ этой добродѣтели не богатыхъ только, но предпочтительнѣе — еще и бѣдныхъ. «Скажешь: какъ я могу подавать милостыню, будучи бѣденъ? Тогда-то, особенно, и можешь, когда ты бѣденъ. Опьяненный обиліемъ богатства, богатый одержимъ лютѣйшею горячкой къ увеличенію своего имущества, между тѣмъ—какъ бѣдный, не зараженный этою болѣзнью, легче сдѣлаетъ подаяніе изъ того, что имѣетъ. Милостыня зависитъ не отъ количества имущества, но отъ мѣры душевнаго расположенія. Такъ, вдовица отдала двѣ лепты—и превзошла пресыщенныхъ богатствомъ» (Т. I, стр. 561).

Если теперь, вопреки естественному и божественному законамъ, богатые забываютъ о своемъ долгѣ по отношенію къ бѣднымъ и дрожатъ надъ своимъ имуществомъ, боясь, какъ бы послѣдніе не пожелали «насытиться, хотя крупицами, падающими отъ трапезы господъ своихъ» (Мѳ. XV, 27),—то вотъ вамъ, хотя и неоправдываемое нравственно, однако понятное психологически происхожденіе «соціальной ереси». То несомнѣнно, что, по христіанскому ученію, право собственности священно и, какъ свидѣтельствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, первенствующая церковь относилась къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Никто изъ вѣрующихъ не принуждался продавать свое имущество и насильственно обездоливать себя. Особенно категориченъ въ этомъ отношеніи апостолъ Петръ. Не въ томъ упрекаетъ онъ Ананію съ его женой Сапфирой, что они утаили часть полученныхъ отъ продажи своего имѣнія денегъ, а въ безсовѣстности,—обличаетъ совсѣмъ въ другомъ, что они «солгали» Богу, завѣряя апостола, что принесли ему всѣ, вырученныя отъ продажи своего имѣнія, деньги. Вотъ почему апостолъ съ слѣдующими грозными словами обращается къ обманщику: «Ананія! для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ свое сердце мысль—солгать Духу Святому и утаить изъ цѣны земли? Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и пріобрѣтенное продажей не въ твоей ли власти находилось? Для чего ты положилъ это въ сердцѣ своемъ? Не человѣкамъ ты солгалъ, а Богу» (Дѣян. V, 3—4

См. объ этомъ въ кн. «Христіанство и современныя событія». Проф.-прот. Е. Аквилонова. Спб. 1905, стр. 29). Но если право собственности, какъ видно изъ этихъ словъ книги Дѣяній, есть неприкосновенная святыня, если такой же святыней является и человѣческая совѣсть, то отсюда еще не проистекаетъ какого-либо права пренебрегать третьей святыней—помощью бѣднымъ. Право собственности свято, но такъ же свята и нужда, какъ говоритъ о томъ Давидъ: «тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ» (Пс. IX, 35). Самъ Господь освятилъ человѣческую бѣдность Своимъ рождествомъ въ убогомъ вертепѣ и «неимѣніемъ, гдѣ главу подклонити»—въ теченіе всей Своей земной жизни (Лк. IX, 58).

Самое могущественное изъ всѣхъ средствъ къ очищенію совѣсти и житейскому благоустроенію—христіанская вѣра является такимъ же и въ дѣлѣ врачеванія соціалъ-демократіи, этого тяжкаго общественнаго недуга, потому что подсѣкаетъ его въ самомъ корнѣ. Къ несчастью, люди—въ значительной степени матеріалисты и потому, пренебрегая «единымъ на потребу», жадно хватаются за одни внѣшнія средства. По свойственному нѣкоторымъ, особенно, обыкновенію, выписали себѣ изъ-за границы двухъ кумировъ въ лицѣ столь популярныхъ теперь Лассаля и Маркса и всюду носятся съ ними, точно съ какими-то цѣлителями отъ всѣхъ общественныхъ бѣдъ и скорбей. Что касается относительнаго значенія этихъ ученыхъ соціологовъ,—оно безспорно; но изъ относительнаго не слѣдуетъ и невозможно дѣлать безусловнаго, на которомъ, собственно, и зиждется вся наша жизнь. Представьте себѣ изнуреннаго злой чахоткой больного, которому для излеченія требуются, прежде всего, хорошее питаніе, чистый воздухъ и совершенный покой. Можно ли надѣяться на поправленіе чахоточнаго въ случаѣ, хотя бы самаго аккуратнаго, употребленія имъ всякихъ лекарствъ, но при несоблюденіи трехъ вышеуказанныхъ условій? Едва ли. Подобнымъ же образомъ и современное намъ общество, сильно изнуренное постигнувшимъ его недугомъ, не можетъ выздоровѣть отъ него только по одной рецептурѣ названныхъ цѣлителей, пока не вступитъ на правый путь нравственнаго возрожденія: «фарисей слѣпой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобъ чиста была и внѣшность ихъ» (Мѳ. XXIII, 26).

Не требуется быть ученымъ соціологомъ, а нужно только допросить свою христіанскую совѣсть для изысканія вѣрныхъ

средствъ къ уврачеванію изнуряющихъ насъ недуговъ. Что жъ говоритъ она? «Не мечемъ и копьемъ спасаетъ Господь» (1 Пар. XVII, 47) и, поэтому, нельзя разсчитывать на исключительную помощь только одной вооруженной силы. Чрезмѣрно уповающіе на нее должны помнить, что если (избави Богъ!) настанутъ дни страшныхъ ужасовъ, то можетъ дрогнуть и самое твердое сердце. Надо быть въ высшей степени легкомысленнымъ, чтобы полагаться на однѣ внѣшнія средства. Въ случаѣ недостатка въ насъ любви, простое житейское благоразуміе, наконецъ, чувство самосохраненія должны подсказать намъ, что дѣлать. Накликаемая теперь извѣстными ревнителями общественнаго блага соціальная революція напоминаетъ собой древнюю сивиллу, трижды являвшуюся къ римскому царю Тарквинію и каждый разъ все съ большими и большими требованіями. Необходимо сдѣлать все возможное для избавленія отъ нея, пока еще не поздно. Какъ показали сами событія, и съ чѣмъ, *по совѣсти*, *мы должны согласиться*, въ ближайшей очереди необходимо рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) о поддержаніи рабочихъ союзовъ (разумѣется, задающихся не анархическими цѣлями), 2) объ изданіи общеобязательнаго закона для фабричныхъ рабочихъ, 3) о воскресномъ отдыхѣ и 4) о раціональной помощи бѣднымъ.

Каждый въ отдѣльности рабочій является совершенно безпомощнымъ противъ подавляющей силы капитала и широкой производительности. Поэтому, основаніе *союза рабочихъ*, съ собственной производительностью и съ правильнымъ раздѣленіемъ прибыли, можетъ значительно облегчить ихъ страдное положеніе. При энергическомъ содѣйствіи высшихъ классовъ, напримѣръ, въ Англіи такъ называемое cooperative movement успѣло принести свои добрые плоды. Въ исключительныхъ,—правда, не многихъ,—случаяхъ, сами рабочіе могли бы собрать требуемый для начала дѣла капиталъ. Вотъ, здѣсь-то, на помощь меньшей братіи и должны выступить состоятельные люди и жертвовать, кто сколько можетъ. Что-жъ касается рекомендуемаго Лассалемъ способа—обязанности государства законодательнымъ порядкомъ подарить нуждающемуся рабочему классу требуемые милліоны,—то подобнаго рода подарокъ обошелся бы чрезмѣрно дорого для другихъ сословій. Гдѣ даръ, тамъ нѣтъ принужденія, и гдѣ нравственный долгъ, тамъ и соотвѣтствующій даръ, о чемъ и долженъ позаботиться каждый, особенно, православно-русскій гражданинъ. Не дѣлать добра,

имѣя къ тому и долгъ и возможность, значитъ совершать тяжкій грѣхъ.

Изнурительный и совершаемый далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ для здоровья фабричныхъ рабочихъ, трудъ ихъ долженъ нормироваться гуманнымъ и пунктуально соблюдаемымъ *закономъ*, влекущимъ строгое наказаніе для его нарушителей. Безсовѣстная эксплоатація всякаго труда нетерпима. Особенно жаль малолѣтнихъ дѣтей, надрывающихся надъ непосильной работой и готовящихся къ преждевременной старости. Въ такихъ благоустроенныхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, Англія, предусмотрѣны возможныя, касающіяся фабричнаго дѣла, злоупотребленія. Если правительственный инспекторъ, придя на фабрику пятью минутами послѣ срока обязательнаго прекращенія работъ, найдетъ въ ней стоящихъ за дѣломъ рабочихъ, то содержатель фабрики присуждается за это къ такому высокому штрафу, что едва ли захочетъ въ слѣдующій разъ хотя бы и минутной просрочки.

Обычная ссылка содержателей фабрикъ на постоянно возрастающую конкурренцію, по причинѣ которой едва возможно сводить концы съ концами, служитъ только объясненіемъ, а не оправданіемъ различныхъ аномалій въ рабочей жизни. Фабричное дѣло, говорятъ, аналогично съ военнымъ. Всѣ державы изнемогаютъ отъ милитаризма, требующаго для себя страшныхъ жертвъ, и, тѣмъ не менѣе, ни одна не беретъ на себя почина въ его ослабленіи, могущемъ обойтись каждому государству еще дороже. Но что же слѣдуетъ изъ этого? Что угодно, только не попраніе законныхъ требованій человѣчности и справедливости. Христіанскія державы нравственно обязаны позаботиться о выработкѣ такого *интернаціональнаго закона*, которымъ обезпечивалось бы удовлетворительное состояніе фабричнаго дѣла. Высказываемое пожеланіе не новость. Съ небольшимъ полвѣка тому назадъ одинъ эльзасскій фабрикантъ, нѣкто Даніилъ Легранъ, путешествовалъ по главнымъ европейскимъ городамъ съ цѣлью проведенія интернаціональнаго фабричнаго закона. Легранъ былъ воодушевленъ истинно-христіанскими чувствами къ меньшей братіи, за нимъ стоялъ большой практическій опытъ, для святого дѣла не щадились никакія жертвы, но послѣднее (не по винѣ этого почтеннаго фабриканта) не пошло дальше прекрасныхъ словъ... Значитъ ли это, что и впредь такія попытки осуждены на полную неудачу? Хочется вѣрить, что нашъ великодушный Монархъ,

явившій всему свѣту образецъ величайшаго миролюбія учрежденіемъ Гаагской конференціи для уменьшенія ужасовъ войны, явитъ и другой—учрежденіемъ подобной же конференціи для упорядоченія рабочаго быта. Не слѣдуетъ смущаться первыми неудачами. Наоборотъ, онѣ должны служить тѣмъ еще сильнѣйшимъ побужденіемъ для удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ: «яко не до конца забвенъ будетъ нищій, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца» (Пс. IX, 19). «Творя добро, да не унываемъ, ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ» (Гал. VI, 9).

Въ неустанныхъ заботахъ о народномъ благосостояніи нѣкоторые экономисты зашли такъ далеко, что повычеркали чуть не всѣ церковные *праздники* изъ православнаго календаря, считая ихъ великимъ зломъ для обѣднѣвшихъ тружениковъ. У насъ, на Руси, — говорятъ названные печальники, — такъ много праздниковъ, какъ нигдѣ еще на свѣтѣ, и едва ли какой народъ во время ихъ предается такому пьяному разгулу, какъ наши простолюдины. Пока существуютъ праздники въ такихъ вредныхъ для народнаго благосостоянія условіяхъ, нельзя и думать объ его поднятіи. Проистекающее отсюда заключеніе кратко формулировано, въ духѣ современныхъ намъ экономистовъ, еще три тысячи лѣтъ тому назадъ, ихъ древними предшественниками: «пріидите, и отставимъ вся праздники Божія отъ земли» (Пс. LXXIII, 8). Такъ всегда заключаютъ находящіеся въ сильномъ раздраженіи люди, внимая голосу страсти, а не разсудка. Не огонь виноватъ въ происшедшемъ пожарищѣ, а неумѣлое обращеніе съ этой полезной стихіей; не праздники разоряютъ народъ, а преступное злоупотребленіе ими, и потому мы должны ввести праздничную жизнь въ ея естественное русло.

«Осужденному на тяжкій трудъ земледѣлія человѣку далъ Творецъ чрезъ Моисея заповѣдь о Субботѣ: „день же седьмый, Суббота, Господу Богу твоему“. Это не значитъ только: одинъ день отдыхай, человѣкъ, отъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, это означаетъ много болѣе: недѣлю работалъ ты, человѣкъ, въ заботѣ о земномъ, приникая лицомъ къ землѣ, твоей питательницѣ; но въ седьмый день воздвигни лице твое отъ земли, обрати взоры свои къ небу, къ Богу—Создателю твоему, и воспари къ Нему благодарною душою. И тогда оставь гнетущія тебя заботы; упразднись и отъ богатства и чести, и отъ нищеты и безчестія, и обратись къ источнику жизни безсмертной—туда,

гдѣ нѣтъ нужды, болѣзни, зла и неправды. Это вѣковѣчный завѣтъ Божій человѣку. Святая церковь наша крѣпко хранитъ его, и всѣ вѣрныя дѣти ея, всѣ любящіе церковь, хранятъ его крѣпко и вѣрно и любовно, потому что не могутъ не любить праздники, посвященные воспоминанію великихъ событій въ церкви Христовой. Какъ бы мы, вѣрующіе, жили здѣсь безъ этихъ праздниковъ, какъ бы пуста и безотрадна показалась намъ жизнь, посреди всей ея суеты, посреди гнетущихъ заботъ, посреди нужды и неправды! А всякая душа скорбящая, озлобленная, помощи и милости отъ Бога требующая, безъ праздника—куда бы дѣвалась, на чемъ бы отдохнула отъ своей отчаянной скорби. Всякую душу, какъ бы ни была она погружена и въ молву людскую, и въ безмолвіе одиночества,—праздникъ призываетъ *тѣтъ* пѣснь вседержителю Богу».

«Слово это понятно и сочувственно русскому человѣку, съ дѣтства воспитанному въ благочестивомъ обычаѣ, съ дѣтства знающему церковь съ ея праздниками. Русскій человѣкъ всю свою жизнь, все свое рабочее время привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ, и благо тому, кого благочестивые родители съ дѣтства пріучили чтить праздникъ, съ радостнымъ чувствомъ ждать его и услаждаться его освѣжающею и возвышающею силой. А церковь наша своимъ богослуженіемъ такъ торжественно обставила не только великіе праздники, но и таинственное ожиданіе ихъ для вѣрующихъ, что праздникъ самъ собою постепенно вступаетъ въ душу, озаряя ее тихимъ свѣтомъ благодати» (Праздники Господни. Спб. 1893, стр. 2—6).

Среди собравшихся здѣсь православно-русскихъ значительное число принадлежитъ къ торговому сословію, наиболѣе заинтересованному въ *праздничномъ отдыхѣ*. Что касается приказчиковъ, то ихъ сочувствіе послѣднему несомнѣнно. Послѣ шестидневной суеты душа, естественно, проситъ отдыха и радуется ему въ воскресный день. Нѣсколько иначе смотрятъ на дѣло сами хозяева. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, обязательное прекращеніе торга въ воскресные и праздничные дни можетъ невыгодно повліять на ихъ торговыя предпріятія, не говоря уже о развращающемъ вліяніи праздничнаго разгула на приказчиковъ. Вмѣсто добра отъ праздниковъ, такимъ образомъ, получится одно зло. Таково мнѣніе нѣкоторыхъ.

Нѣтъ спору, что оно имѣетъ для себя извѣстное основаніе

Но еще болѣе безспорно и то, что, уткнувшись въ острый уголъ, выразители разбираемаго мнѣнія не замѣчаютъ, какъ изъ-за деревьевъ они не видятъ лѣса. Дѣло въ томъ, что и для успѣшнаго хода коммерческихъ предпріятій требуются люди, а они воспитываются только въ церковной стихіи. Скажите, гдѣ еще, какъ не въ храмѣ Божіемъ, раздается проповѣдь о честномъ исполненіи долга, о повиновеніи не только за страхъ, но и за совѣсть, объ уваженіи къ чужой собственности, о грѣховности лжи и обмана и о другихъ порокахъ, искони гнѣздящихся такъ же и въ торговомъ мірѣ? Отборные эпитеты, пожалованные купцамъ гоголевскимъ городничимъ, типичны въ высшей степени. «Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною — на сто тысячъ, надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это... Ты начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ“ не знаешь, а ужь обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничаешь» (Ревизоръ. Дѣйствіе 5, явл. 2-е). Но лучше бы обойтись безъ печальнаго повода такимъ эпитетамъ. Вотъ, здѣсь-то и получаетъ свой большой смыслъ и значеніе праздничный отдыхъ. Съ издѣтства оживляемая христіанскимъ духомъ, человѣческая совѣсть не позволитъ приказчику опуститься на низкій уровень «архиплута» и «протобестіи», она возбранитъ ему обманывать хозяина, не позволитъ заниматься такъ часто встрѣчающейся теперь покражей хозяйскаго добра, не согласится на позорное обмѣриванье и обвѣшиванье покупателей, она воспрепятствуетъ служащему безчестнымъ небреженіемъ къ дѣлу приводить торговую фирму къ злостному банкротству, она подскажетъ приказчику, что его дѣло—хозяйское дѣло, что интересы служащихъ неотдѣлимы отъ хозяйскихъ и т. д., иначе говоря: всегда бодрствующая совѣсть будетъ лучшимъ учителемъ служащихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ—исполнять свое дѣло такъ же по совѣсти. Съ ней не надо ни замковъ, ни угрозъ, ни грубой расправы, и, наоборотъ, безъ нея не помогутъ дѣлу никакія, хотя бы и наиболѣе суровыя, мѣры.

Тяжелое чувство испытываетъ священникъ великимъ постомъ, принимая на исповѣдь юныхъ невольниковъ поденнаго труда въ различныхъ торговыхъ заведеніяхъ. Невыразимо жаль

становится этихъ мальчиковъ, отторгнутыхъ отъ своихъ деревенскихъ матерей и окунувшихся въ омутъ столичной жизни. И, подлинно, иной не знаетъ «Отче нашъ», зато заявляетъ себя большимъ мастеромъ по части обмѣриванья, обвѣшиванья, беззастѣнчиваго и — нерѣдко — свидѣтельствуемаго клятвой обмана, сквернословія и другихъ пороковъ. Церкви такой «грѣшникъ» почти не видѣлъ, зато познакомился кое-съ-чѣмъ такимъ, о чемъ «нелѣти есть и глаголати»... Не здѣсь ли, въ этой безсовѣстной кабалѣ у такихъ же хозяевъ и въ постоянномъ отчужденіи отъ церкви, сокрытъ корень повсюду распространеннаго теперь хулиганства, отъ котораго совсѣмъ нѣтъ покоя современному обществу?

Пусть не ссылаются на неумѣнье «малыхъ сихъ» разумно пользоваться праздничной свободой. На самомъ обществѣ лежитъ нравственный долгъ направить, куда слѣдуетъ, эту свободу, а не посягать на нее. Необходимо, какъ можно скорѣе, теперь же, озаботиться серьезнымъ, на христіанскихъ началахъ, воспитаніемъ этихъ забитыхъ и одичавшихъ юнцовъ и дѣтей. Нужно только вѣрить въ могучую силу истиннаго просвѣщенія и терпѣливо ждать его прекрасныхъ плодовъ. Необходимо уважать достоинство каждой человѣческой личности, подъ какимъ бы жалкимъ рубищемъ ни скрывалось оно, и признать ея неотъемлемое право на соотвѣтствующее христіанскому ея призванію воспитаніе. Это — азбучная истина, къ сожалѣнію, иными забываемая и потому нуждающаяся въ настойчивомъ и чистомъ напоминаніи.

Не для однихъ только приказчиковъ и рабочихъ необходимъ воскресный отдыхъ. Какъ Самъ Христосъ — Спаситель всѣхъ, такъ и свѣтлый день Его воскресенья — *общая всѣмъ* святыня. Насколько она должна быть намъ дорога,—это легко уяснить на общеизвѣстномъ примѣрѣ. Я имѣю въ виду постоянную жалобу современныхъ людей на «нервы». Въ прежнее время о нихъ почти не говорили—не потому, что наши предки совсѣмъ не имѣли нервовъ, а по другой причинѣ: имѣя, не чувствовали ихъ. Нервные провода были въ полной исправности; а извѣстно, что, когда наши тѣлесные органы здоровы, мы совсѣмъ не думаемъ о нихъ, и, наоборотъ, «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». И если теперь такъ часто говорятъ о нервахъ, то ясно, что они надорваны. Дѣло дошло до того, что нѣкоторыя горячія головы думаютъ объяснить нервнымъ возбужденіемъ цѣлый рядъ особенно поразительныхъ истори-

ческихъ событій. Такъ, напримѣръ, упоминаемые въ евангеліи бѣсноватые, по мнѣнію толковниковъ,—это нервно-больные; явленіе Воскресшаго Магдалинѣ—это плодъ ея нервнаго разстройства; благодаря такому же разстройству, и Савлу подъ Дамаскомъ только «показалось», что онъ видитъ и слышитъ Іисуса, и т. д.

Спросимъ теперь самихъ себя: почему, именно, *нашему* вѣку суждено было сдѣлаться такимъ нервнымъ? Въ ряду другихъ причинъ, не малое вліяніе на нервное разстройство производятъ желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны и, вообще всякаго рода машины, эти рѣзвыя дѣти современной культуры, постоянно торопящія насъ жить, какъ можно скорѣе, безъ малѣйшей передышки бѣжать и всячески вывертываться на своемъ житейскомъ поприщѣ. Постоянно пользуясь услугами всевозможныхъ машинъ, нынѣшній человѣкъ самъ превратился въ какую-то машину, и «бѣгаетъ», какъ тотъ «нечестивый, ни единому же гонящу» (Прит. XXVIII, 1). Однѣ, болѣе крѣпкія натуры, не безъ усиленнаго напряженія достигаютъ конца своего поприща, за то другія, болѣе слабыя, падаютъ отъ непосильнаго истощенія, не достигнувъ и половины его. Нервныя головныя боли, такого же рода сердцебіенія, болѣзни легкихъ, головокруженія, постоянно встрѣчающееся нервное переутомленіе, зубныя боли на той же нервной почвѣ и т. п.,—вѣдь это, если хотите, цѣлый легіонъ мучительнѣйшихъ бѣсовъ, для несчастныхъ жертвъ которыхъ у насъ вскорѣ не хватитъ необходимаго числа лечебницъ.

Тяжелое само по себѣ душевно-тѣлесное страданіе, къ несчастью, еще осложняется однимъ досаднымъ обстоятельствомъ, весьма характернымъ для человѣческой изобрѣтательности,—какъ люди умѣютъ изъ нужды дѣлать добродѣтель, изъ растрепанныхъ нервовъ соткать густое покрывало и прятаться подъ нимъ съ своими пороками. Находясь въ состояніи бурнаго гнѣва и раздраженія, будучи взыскательны и придирчивы ко всѣмъ и за всякую малость, особенно, въ отношеніи къ подчиненнымъ людямъ, мы не выражаемся теперь, какъ наши предки: «мнѣ стыдно, постараюсь взять себя въ руки», а совсѣмъ иначе: «удивительно, какимъ нервнымъ я сдѣлался опять; бѣдные мои нервы!» Съ послѣдними словами мы освобождаемъ себя отъ скамьи подсудимыхъ и смотримъ на себя только какъ на такихъ больныхъ, которые въ правѣ разсчитывать на самый заботливый уходъ, съ удаленіемъ отъ нихъ малѣйшаго безпокойства. Подобнымъ же образомъ и по отно-

шенію къ труду: гдѣ старинные люди считали нужнымъ упрекать себя за сонливость и лѣность, тамъ современный человѣкъ ссылается на свои разлаженные нервы. Нѣтъ спору, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ виновенъ нашъ «ветхій Адамъ», но безспорно и то, что общераспространенная теперь ссылка только на разстроенные нервы, въ качествѣ козла отпущенія, грозитъ крайне опасными послѣдствіями для нравственнаго благоустроенія современнаго общества.

Что-жъ намъ дѣлать съ своими больными нервами и какъ исправить ихъ? Само собой понятно, мы не можемъ отодвинуть назадъ двадцатый вѣкъ, въ который недавно вступили, или замѣнить желѣзныя дороги ямщицкими повозками, телеграфы и телефоны—разными оказіями, пароходы—весельными судами: не въ нашей власти, да и не въ нашихъ интересахъ передѣлать самый характеръ времени. Но мы располагаемъ, всетаки, нѣкоторыми средствами къ успокоенію своихъ разстроенныхъ нервовъ. Однимъ изъ такихъ средствъ является праздничный отдыхъ. Каждый изъ насъ долженъ крупными буквами начертать для себя святую заповѣдь: помни день праздничный, чтобы святить его! Начатый церковной молитвой и проведенный въ успокоеніи отъ будничныхъ трудовъ и житейской сутолоки, праздничный день, хотя бы только одинъ въ теченіе седмицы, благодѣтельно подѣйствуетъ на угнетенное состояніе нашей нервной системы и явится цѣлебнымъ источникомъ свѣжихъ силъ на предстоящій трудъ. Будемъ только здраво смотрѣть на дѣло, отринувъ отъ себя всякія стороннія соображенія насчетъ все бо́льшихъ и бо́льшихъ выгодъ, насчетъ убійственной конкурренціи, пагубнаго разгула и т. п., отъ имени чего нѣкоторые готовы были бы не прекращать житейскихъ занятій, даже, и въ такіе праздники, какъ Рождество Христово и Пасха; запасемся необходимымъ терпѣніемъ въ отношеніи пока еще не умѣющихъ правильно использовать свой праздничный отдыхъ, позаботимся объ упорядоченіи его, но только изъ-за второстепеннаго, повторяю, не забудемъ главнаго: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»... «Заповѣдь сія» (о праздничномъ отдыхѣ),—приводимъ слова израильскаго законодателя,—«заповѣдь сія не недоступна для тебя и не далека; она не на небѣ, чтобы можно было говорить: „кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее?“ И не за моремъ она, чтобы можно было говорить:

„кто сходилъ бы для насъ за море и принесъ бы ее намъ и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее?“ Но весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, чтобъ исполнять его... Жизнь и смерть предложилъ я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое» (Втор. XXX, 11—20).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о христіанской благотворительности, въ дополненіе къ вышесказаннымъ. Къ стыду современнаго общества нужно признаться, что послѣдняя у насъ «храмлетъ» чуть ли не на обѣ «плеснѣ». Судя по безчисленнымъ „обществамъ“, посвятившимъ себя благотворительному дѣлу, и по печатнымъ ихъ отчетамъ, послѣднее находится въ хорошемъ состояніи. Къ сожалѣнію, житейскій опытъ удостовѣряетъ нѣсколько иное. Отъ нищеты никому и некуда дѣться. Васъ постоянно и дома, и на улицѣ осаждаютъ бѣдные, Христовымъ именемъ выпрашивающіе подаяніе, не говоря уже о расплодившихся нашихъ домашнихъ бандитахъ, требующихъ отъ всѣхъ подачки подъ угрозой ножевой расправы. И эти озлобленные люди—все та-же бѣднота, являющаяся тяжелой для насъ укоризной. Если и впредь мы останемся такими же, какъ и прежде, равнодушными къ своей нищей братіи, то можно опасаться очень худого конца нашей безпечности. Голодная и холодная, истерзанная нищетой и ледянымъ равнодушіемъ къ себѣ со стороны состоятельныхъ классовъ, эта братія обратится къ не совсѣмъ братскимъ средствамъ борьбы за свое существованіе. Теперь, впрочемъ, уже поздно предсказывать послѣ того, какъ у насъ разыгрались и еще впредь могутъ произойти такія событія, о которыхъ намъ и не снится.

Не пора ли поставить нашу благотворительность на твердую почву и отрѣшиться отъ лицемѣрныхъ и всѣмъ прискучившихъ формъ ея въ видѣ различныхъ баловъ, концертовъ и базаровъ? Не время ли отказаться такъ же и отъ всякихъ крестовъ, окрашенныхъ чуть не во всѣ цвѣта радуги? Вѣдь наши церкви уже не имѣютъ и такого числа праздниковъ, чтобы удовлетворить днями сборовъ разнообразныя благотворительныя общества. Къ тому же, нѣкоторыя изъ послѣднихъ успѣли пріобрѣсти себѣ печальную извѣстность. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о правыхъ и виноватыхъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ по благотворительному дѣлу, мы должны насаждать его на естественной почвѣ, на которой оно только и можетъ, какъ слѣдуетъ, произростать,—въ христіанской церкви.

Для этого не надо возноситься за облака или отправляться куда-либо за море: «но весьма близко къ тебѣ слово сіе». Во что бы то ни стало, намъ необходимо воскресить церковно-приходскую жизнь, — и тогда благотворительность непремѣнно проявится въ видѣ естественнаго плода этой жизни. Вопросъ только въ ея организаціи, что-жъ касается самой основы для его рѣшенія, то она дана и дана, именно, въ христіанской *церкви*. Предварительно требуется совсѣмъ ослѣпнуть, чтобы пройти мимо такого крупнаго событія, какъ описанное въ книгѣ Дѣяній Ап. (гл. VI-я)—объ организаціи помощи бѣднымъ въ іерусалимской церкви. Не случайно происшедшее, оно сохранилось въ письмени для подражанія всѣмъ будущимъ церквамъ и въ назидательный примѣръ того, что можетъ сдѣлать для бѣдныхъ церковная община. Принадлежащіе къ послѣдней благотворители, въ признаніи величайшей важности начатаго подвига—служенія ближнему, надо полагать, найдутъ въ себѣ силы смотрѣть на дѣйствительность не сквозь розовые очки веселой благотворительности и сочтутъ профанаціей—услаждаться оркестровой музыкой въ то время, какъ убогіе углы и вертепы оглашаются стонами и рыданіями несчастныхъ жертвъ бѣдности и всякихъ страданій. Что за веселье сквозь горькія слезы! Приходская благотворительность, далѣе, должна освободиться отъ дорогихъ издержекъ на вознагражденіе завѣдывающихъ ею лицъ, нерѣдко присасывающихся къ ней на подобіе піявокъ — къ нуждающемуся въ крови организму, и, вообще, указать двери такимъ «дѣятелямъ», которые (беремъ неудачу два примѣра изъ многихъ) безсовѣстно расходуютъ благотворительныя суммы «на ложи въ театръ», «на починку гитаръ», «на цвѣты» и т. п. предметы (см. корреспонд. изъ Вологды въ «Н. Врем.», 1905 г., № 10,407, о расходованіи суммъ мѣстнаго «Отдѣленія Красн. Креста»), или, еще безцеремоннѣе, вскрываютъ послѣ сборовъ кружки для пополненія своихъ кармановъ (тамъ же, о злоупотребленіяхъ въ комитетѣ кружечнаго сбора «Московскаго Совѣта дѣтскихъ пріютовъ»). Церковно-приходская благотворительность не нуждается такъ же ни въ какихъ знатныхъ фирмахъ, подъ покровомъ которыхъ дѣйствуютъ свѣтскія благотворительныя общества. Вызванныя на Божій свѣтъ побужденіями, подчасъ чуждыми самаго существа дѣла, зато пріятно тѣшащими мелочное честолюбіе своихъ учредителей, такого сорта общества сегодня во всеуслышанье торжествуютъ часъ своего рожденія,

а на-завтра, смотришь, слезно вопіютъ уже о недостаткѣ средствъ къ существованію: увядаютъ, не успѣвъ расцвѣсть! «И чтожъ, изъ за чего такой святой порывъ? — Изъ за Гекубы! А что она ему, иль онъ Гекубѣ!».

Возглавляемая Самимъ Господомъ, св. церковь и, слѣдовательно, христіанская благотворительность не можетъ именоваться ни Павловой, ни Аполлосовой, ни Кифиной, а только Христовой (1 Кор. I, 12). Лишь только Онъ одинъ есть краеугольный камень св. вѣры, надежды и любви, одушевленные которыми собрались мы, православно-русскіе люди, въ этомъ обширномъ зданіи. Дай Богъ, чтобы у насъ было поболѣе такихъ же помѣстительныхъ *церквей*, куда (опять возвращусь къ празднику) водили бы мы дѣтей своихъ, гдѣ нашлось бы довольно мѣста и для тѣхъ, которые теперь получили праздничную свободу отъ своихъ будничныхъ трудовъ, и, вообще, для всѣхъ, «милости Божіей и помощи требующихъ», гдѣ постепенно возрасталъ бы нашъ «внутренній человѣкъ», и откуда съ облегченнымъ и ободреннымъ сердцемъ выходили-бъ мы на тяжкій подвигъ своей многомятежной жизни.

Проф.-протоіерей **Е. Аквилоновъ.**

Библиотека
Академии Наук